

ЛАДА
СОЛЬ

Счастье в доме
НА КРАЮ ОСЕНИ

Лада Соль

Счастье в доме на краю осени

<https://litres.ru/74375367>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вероятно, я родилась в невезучий год, если меня всю жизнь предают, причем в самый неожиданный момент. Вот только я совсем не ожидала, что после предательства мужа я встречу того, кто когда-то бросил меня при смерти. Но почему он смотрит на меня, как будто я привидение?

— Дима, — шепчу я. — Что происходит?

— Вот! — мой муж поднимает какую-то папку с кухонного островка и идёт ко мне. — Ознакомься. Твои вещи собраны. Больше не задерживаю.

Опускаю взгляд на бумаги, которые он мне протягивает, и первым же листом через прозрачную обёртку вижу серое свидетельство о разводе.

— Как? Это невозможно, — выдыхаю я и не могу заставить себя взять это.

— Ева, прекрати разводить трагедию, — раздражённо бросает Дима и насильно всовывает мне папку в руки. — В наше время возможно всё. Особенно когда жена перестала отвечать требованиям мужа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	32
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лада Соль

Счастье в доме на краю осени

Глава 1

Открываю дверь в квартиру и пытаюсь подавить в себе тяжёлый вздох. Дима снова забыл закрыть её. Но я даже не буду ему об этом напоминать. Я так устала, что сил нет даже возмущаться, да и смысла не будет.

Я скажу слово, и его мама, которая живёт у нас уже второй год с того самого дня, как сказала, что только на зиму, а то слишком далеко ей в больницу ездить из деревни, снова влезет, защищая сына, и я останусь виноватой.

Машина мужа стояла возле дома, что снова заставило сглотнуть горечь. Я ведь спросила у него, когда он будет дома, когда он уезжал из офиса на час раньше меня. Просила, чтобы заехал за мной...

Эх, да ну его всё. Больно ли мне? Наверное, уже нет. Противно от собственной беспомощности — это больше подходит к моим чувствам.

Закрываю дверь за собой и только хочу позвать мужа, как замираю, уставившись на два чемодана и сумку, стоящую в

коридоре.

В груди поднимается предчувствие, только пока не могу ответить себе: радостное или катастрофическое. Может, Лариса Олеговна, моя свекровь, наконец-то решила уехать к себе? А может, Дима решил сделать нам сюрприз, и мы едем куда-то на выходные? Давно уже нигде не были вдвоём!

Ставлю пакет с продуктами на пол и, разуваясь, прохожу вперёд. Мы с мужем несколько лет назад купили эту квартиру, продав мою двушку и взяв ипотеку, чтобы больше места было. Новый жилой комплекс, новая планировка. Диме понравилось, вот и взяли. Да и по карьерной лестнице он растёт уверенно, что не может не радовать.

Я это знаю точно. Мы работаем в одной компании. И пускай я только администратор. Встречаю гостей, провожаю куда нужно, слежу, чтобы всё было как положено на конференциях или когда приезжают партнёры. Но в том, что мой Дима может скоро стать новым руководителем нашего филиала, уже почти уверена.

Ну а то, что у нас с ним всё немного остыло, так у кого бы не остыло, когда “мама” постоянно рядом, особенно когда хочется побыть вдвоём. У нас даже в ванной больше нет замка, потому что ей может стать плохо, а мы не сможем к ней войти. И вообще, от кого закрываться!

Прислушиваюсь к тихим голосам на кухне и замираю у самого входа в гостиную-столовую. В современной планировке очень удобно стало, что всё совмещено. Снова смотрю на

чемоданы и, улыбнувшись, делаю шаг вперёд.

— Где она шляется? Боже, что за невоспитанность! — возмущенное шипение Ларисы Олеговны раздражает, но не так сильно, как усталость.

— Мама, успокойся, — отвечает ровным тоном Дима. — Скоро приедет. Она же, вероятно, снова зашла в магазин. Вечно что-то ей нужно. — А вот это ранит!

Пренебрежительный тон мужа заставляет напрячься. Вспоминаю, что я купила, и хочется высказать ему, что, между прочим, я зашла за йогуртом для него, так как он не может ничего другого есть на завтрак. И за чечевицей для Ларисы Олеговны, так как она закончилась три дня назад, а я даже не удосужилась посмотреть!

— Ой, как же я ждала этот день! — неожиданно добавила Лариса Олеговна, да таким голосом, что можно испугаться. Столько превосходства и ненависти в нём. — Я тебе всегда говорила, что она тебе не пара. Толку от неё никакого! Даже родить не смогла за столько лет.

Воздух в груди застревает и причиняет физическую боль, но я жду, что Дима сейчас ответит маме, что это его нежелание заводить детей лишает Ларису Олеговну таких желанных внуков. Он же сам всегда говорил, что после моих травм не хочет подвергать меня такому испытанию как беременность.

— Мама, ты прекрасно знаешь, что она хочет жить для себя! — презрительно фыркает муж, а я чувствую, как у меня из груди вырывают сердце. Вот прямо на живую, без ане-

стезии!

Медленно выхожу, чтобы меня заметили. Но больше делаю это для того, чтобы убедиться, что это точно мой муж сказал. Мужчина, с которым я прожила семь лет. Которому посвятила не только себя, не только дома, но и на работе.

Смотрю в спину мужа, который до сих пор в брюках и рубашке, которую я наглаживала утром, чтобы он выглядел идеально. Вот только рукава закатаны до локтя. Подтянутый, все его посещения спортзала на протяжении последний трёх лет не прошли даром. Темная макушка, в которую мне так нравилось запускать руки, вот только всё это сейчас кажется ненастоящим.

— Вот именно! Только о себе и думает! Как же хорошо, что ты с ней развёлся! Пускай проваливает теперь, — добивает Лариса Олеговна и в этот же момент разворачивается лицом к сыну, но застывает взглядом на мне.

И эта женщина рыдала на нашей свадьбе, радуясь тому, какая прекрасная невестка у неё будет! Или мне это только приснилось?

За секунду её взгляд меняется с испуганного на презрительно-высокомерный. Орлиный нос вздёргивается, делая её страшнее, чем она есть. Хотя теперь я сомневаюсь, что это не её настоящий вид.

Но я жду, когда Дима повернётся ко мне и скажет, что всё это злая шутка. Вот только его поза — чуть расставленные ноги, одна рука в кармане, во второй мобильный — и точно

такой же высокомерный взгляд разрушают всё, о чём я ещё думала.

— Дима, о чём говорит Лариса Олеговна? — спрашиваю я и понимаю, что мой голос ломается на последних словах.

— А у тебя теперь ещё и проблемы со слухом, Ева? — спрашивает холодно Дима.

И я знаю этот тон. Так он разговаривает с провинившимися сотрудниками. Но я ведь его жена!

— Дима, — уже шепчу я. — Что происходит?

— Вот! — он поднимает какую-то папку с кухонного островка и идёт ко мне. — Ознакомься. Твои вещи собраны. Больше не задерживаю.

Опускаю взгляд на бумаги, которые он мне протягивает, и первым же листом через прозрачную обёртку вижу серое свидетельство о разводе.

— Как? Это невозможно, — выдыхаю я и не могу заставить себя взять эту папку в руки.

— Ева, прекрати разводить трагедию, — раздражённо бросает Дима и насильно всовывает мне папку в руки. — В наше время возможно всё. Особенно когда жена перестала отвечать требованиям мужа.

Глава 2

— Каким требования, Дима? — переспрашиваю я, пытаюсь поймать взгляд мужа, но он смотрит куда угодно, но только не на меня. — Ты что такое говоришь? Это же мой дом! Такой же, как и твой.

— Ты смотри, как она заговорила! — взвизгивает Лариса Олеговна. — Это дом Димочки. Ты здесь приживалка, и всё!

И вот эти слова заставляют меня посмотреть на этот дуэт совершенно другим взглядом. Даже боль не может заглушить несправедливость, которая начинает давить на виски пульсирующей болью.

— Вообще-то здесь, — я тычу пальцем в пол, — вложена моя квартира, которая досталась мне от родителей.

— Да как ты смеешь! — заорала Лариса Олеговна. — Дима тебя взял. Кому ты вообще была нужна? Дима пожалел тебя, а ты...

— Мама, хватит, — Дима кладёт Ларисе Олеговне руку на плечо, а я отшатываюсь от этих двоих, как от пары ядовитых змей. — Ева уже поняла, что со мной ей не тягаться, — Дима переводит взгляд на меня и смотрит так, будто я грязь, а он божество. — Дай нам поговорить. Нужно же объяснить Еве, как теперь будут обстоять её дела.

Я замираю. Какой-то оглушающий шок не даёт мне даже полноценно воспринять всё. Сколько раз слышала от знако-

мых, как они заставляли своих бывших за изменами и бросали их. Но здесь... да лучше бы это была измена, чем вот так!

Лариса Олеговна проходит мимо меня горделивой походкой, и не важно, что она ещё недавно жила в деревне, за пятьдесят километров. А теперь ведёт себя так, будто это её дом, а не мой.

Молчу и пытаюсь принять всё то, что сейчас услышала, но не выходит. Да, нам было непросто в последние два года, но это нормально. Мы уже столько лет женаты. Все проходят такие этапы, или...

— Дима, скажи мне, что это розыгрыш, мы посмеемся вместе и пойдём ужинать, — говорю тихо и надеюсь, что всё так и есть.

Но то, каким взглядом обдаёт меня мой муж, если его ещё можно таким назвать, заставляет отступить на шаг.

— Ева, я начинаю сомневаться в твоей адекватности, — зло бросает Дима. — Я тебе отдал документы о разводе, а ты мне рассказываешь о шутке. Вот в этом вся ты!

Он делает шаг назад, вскидывает голову к потолку и запускает одну руку в волосы.

— Мама собрала твои вещи, а ты продолжаешь стоять здесь и задавать идиотские вопросы, — продолжает он раздражённо. — Как ты вообще справляешься на работе со своими обязанностями, если дома не слышишь, что тебе говорит муж?

— Дома? — вскидываю я бровь и только сейчас начинаю

осознавать, что всё это правда.

— Ну да, — кивает Дима и смотрит на меня с язвительной ухмылкой. — Это мой дом. И если ты забыла, я тебе напомним: ты сама подписала бумаги, когда мы оформляли квартиру.

— Ты сейчас серьёзно? — шурюсь я. — И где я, по-твоему, должна теперь жить?

— Где угодно, — разводит он руки в стороны. — Я устал от тебя. Ты больше меня не возбуждаешь. Да и не становишься моложе. Я даже не могу тебя показать нашим клиентам, с которыми часто езжу на встречи. Кого я покажу? Администратора? — и столько презрения в его словах, что я снова вздрагиваю.

— Ах вот оно в чём дело, — киваю я и снова глотаю эту невероятно болезненную горечь. — Я тебе не по статусу. Так почему же ты не заявился ко мне с любовницей? Зачем этот цирк, Дима?

— Да какая любовница? — хохочет он, только его смех слишком показной. — И даже если бы она и была, то я не настолько жесток, чтобы так поступать.

— Да ты что? Правда?! — спрашиваю я и с силой выталкиваю из себя воздух.

Мне нужно развернуться и уйти. Нужно взять себя в руки и всё проанализировать. Я ничего не понимаю, потому что мозг завис, будто поймал вирус, и всё потухло. Синий экран с бесконечно крутящимся колёсиком.

— А ничего, что твоя должность — это тоже моя заслуга, Зарубин? — спрашиваю я и заставляю себя перейти на его фамилию.

Дима вздрагивает и теперь сощуривается зло.

— Это я готовила для тебя проекты, за которые ты получал каждую премию. Я делала расчёты, которые всегда принимало руководство. Это я не осталась на своём месте, чтобы мой муж стал расти не только в своих глазах, но и в глазах подчинённых, — говорю и с каждым словом понимаю, что глаза начинает щипать, будто в них песка насыпали.

— Мелочная, меркантильная... — рычит Дима, но резко останавливает сам себя, не договаривая.

— Ну же, продолжай, — вскидываю подбородок, который уже дрожит. — Мне же всё равно терять нечего, так ведь? Я всё уже потеряла, сама того не зная.

— Да ты когда себя последний раз в зеркало видела? — рывкает Дима и подходит ко мне почти вплотную. — А ещё и детей хотела? Вот только я от такой, как ты, не хочу ребёнка, — брезгливо бросает он, снова осматривая меня презрительным взглядом.

— Всё, сынок, хватит! Пусть проваливает! Всё равно ничего не докажет! Ты начальник, а она на побегушках, — в столовую входит Лариса Олеговна, которая, по всей видимости, даже не уходила. — Откроет рот, уволишь её, и дело с концом.

Она обходит Диму и становится чуть сзади. Они смотрят

на меня совершенно чужими глазами. У меня чувство, что никогда не знала их.

— Ты выгоняешь меня ночью из собственного дома? — всё же спрашиваю я.

— У тебя есть дом, — отвечает Лариса Олеговна. — Изба за городом, которую ты так и не продала. Вот туда и поезжай, а здесь нечего сидеть. А если не уйдёшь сейчас, я вызову полицию, — и снова растягивает губы в победоносной улыбке.

Смотрю на этих людей, с которыми делила кров, несколько секунд и понимаю, что совершенно их не знаю. Человек с которым я спала в одной постели столько лет, сейчас стоит напротив, а в его глаза нет ничего. И от этой пустоты и несокомерия внутри разрываются последние ниточки надежды на то, что это всё шутка!

Разворачиваюсь, молча беру чемоданы, сумку и даже пакет с продуктами забираю. Пальто я так и не успела снять, так что его сложно забыть. Выхожу с квартиры и слыша, как за спиной закрывается дверь не только на ключ, но и на внутренний замок. Вокруг зависает оглушительная тишина, и даже подъехавший лифт не разрушает её. А выйдя на улицу, понимаю, что начался мелкий осенний дождь.

— Поздравляю, Ева, с новым статусом не соответствующей жены. А точнее — разведёнки, — шепчу сама себе и поднимаю лицо к небу, чтобы дождь смыл слёзы, которые побежали по щекам, как будто только и ждали соответствующую погоду!

Вот только легче не становится. Внутри будто умирает всё. Причем не медленно, а сразу. Ногу прошивает резкая боль, как раз вдоль шрама, и поднимается к пояснице. Прикрываю глаза, сцепляя зубы, чтобы не застонать. Как я давно не чувствовала этой боли. Но эта физическая, от неё поможет таблетка. А что поможет от душевной?

Глава 3

Такси подъезжает к старенькому покосившемуся забору, когда на улице уже темнота непроглядная. И если выше по улице ещё есть фонари, то возле старенького домика моей покойной бабушки ничего не горит.

Да я и забыла, когда последний раз здесь была! Это же почти два часа пути по городу, а потом по поселку. Предпоследняя улица, да ещё и крайний дом.

— Вам точно сюда, девушка? — спрашивает таксист с седыми усами, чем-то напоминающий казака. — Что-то непохоже, что здесь кто-то живёт.

— Теперь живёт, — отвечаю осипшим голосом.

Всё же прогулка под дождём, чтобы остыть, оказалась слишком опрометчивой.

Я почувствовала взгляд таксиста, но не смогла даже повернуться к нему. Только тихо спросила:

— Вы списали деньги с карты за проезд?

— Сразу, — хмыкнул мужчина, будто я спросила его о чём-то глупом. Хотя, может, так всё и выглядит.

Рядом опустились мои чемоданы и пакет с продуктами. А сумку я так и держала в руках.

— Может, всё же передумаете? — неожиданно и как-то слишком участливо спросил мужчина, а я вздрогнула от жалости в его голосе.

— Спасибо большое за заботу, но я вернулась... — и слова застряли в горле, не выходя.

Нужно бы сказать домой, но не выходит! Я сюда приезжаю только раз в год, чтобы проверить, всё ли на месте, но так и не решилась продать, как ни уговаривал Дима.

Дима... мужчина, который обещал быть со мной и в горе, и в радости, в болезни и в здравии. Но оказалось, что человеческие слова не стоят ни гроша. А его так вообще — как замок на песке. Всё было так красиво, но приливом всё смыло.

За спиной завелся двигатель машины, и такси медленно тронулось вперёд, чтобы развернуться и уехать. Я провожала красные фонари задних фар, пока они не скрылись из виду.

Странно, но только сейчас я в полной мере осознала, что со мной произошло. Я оказалась никому не нужна. Стареющая жена, которая не возбуждает. Какая болезненная банальность.

Набрала в грудь побольше воздуха и толкнула старенькую калитку из деревянного штакетника. Дорожка к дому выложена из старого кирпича, чтобы можно было ходить не по грязи. Сам по себе дом высокий, но старый. Окна я так и не поменяла, решила, что это и не нужно. Зато можно сохранить всё так, как и осталось после бабушки. Подошла к крыльцу и, прихватив один чемодан, начала подниматься.

— Один. Два. Три. Четыре. Пять, — посчитала по старой привычке каждую ступеньку, и вторая половица веранды скрипнула под ногой.

Губы растянулись в горькой улыбке. Хотя что-то остаётся таким же в этом мире.

Нащупала ключ от замка, что так и прячется над дверью под досточкой, открыла дверь, и в нос ударил сырой, затхлый воздух. Прошла чуть вперёд и включила свет.

— Замечательно, — вздохнула я и уставилась на лужу в холодном коридоре. — Ещё и крыша протекает.

Прикрыла глаза и пошла дальше. Вошла в дом и, включив свет в первой комнате, осмотрелась. На деревянном полу вязаные дорожки. Старый диван накрыт посеревшим от времени покрывалом, два кресла, которые, наверное, старше меня возрастом, стоят по обе стороны от дивана. Большой стол посреди комнаты, вокруг которого четыре стула. Масивный сервант, в котором до сих пор стоят несколько чешских сервизов бабушки, а сверху графин-штоф в виде рыбы, со стопками такого же бело-синего цвета.

— Ну привет, дом, — сказала в пустоту дома и разрыдалась.

Оказывается, я не выплакала всё, пока шла под дождём к остановке, где и сообразила, что можно вызвать такси.

Ноги загудели, да так, что я только на последних крохах силы вышла на улицу, забрала оставшийся чемодан и, зайдя во внутрь, закрыла дверь на щеколду.

Прошла к дивану, даже не разуваясь, и, присев на него, уставилась перед собой. Внутри пусто, будто у меня отключили всё, что только можно было. Когда-то я себя так уже

чувствовала. И так надеялась, что больше никогда не буду так раздавлена, в прямом и переносном смысле.

И если в прямом — меня никто не сбил в этот раз, то в переносном — меня вывернули и оставили так на обочине жизни. И самое ужасное, что это сделал тот человек, который когда-то клялся в любви.

Медленно опустилась на диван, подтянула ноги к животу и прикрыла глаза. Если я так полежу, меня никто не найдёт и не заметит, что я пропала. Тем более завтра суббота, никто меня не хватится до понедельника. А там...

И тут слова бабушки, как и тогда, семь лет назад, прозвучали так, будто она стоит рядом:

— Не смей сдаваться! Ты Синичкина! Кто бы что не говорил, а мы никогда не сдавались. Ничего страшного не случилось. И не таких собирали и лечили! И тебя выходят!

Сделала глубокий вдох и отпустила всё. Нет сил даже раздеться. Меня будто высосали всю. Никаких эмоций. Может, я и тряпка, но хочу побыть такой хотя бы сегодня.

Вот только совсем не ожидала того, что утро наступит так быстро, вытаскивая меня из глухого, тяжелого сна. Нет, мне ничего не приснилось, но такое чувство, что я и не спала вовсе, а в окно светит осеннее солнце.

Я продрогла, и осознание того, что в доме холодно, настигло слишком поздно. Вот только меня же что-то заставило открыть глаза. Я медленно села, понимая, что у меня затекла половина тела до болезненного состояния. В голове за-

шумело, но я попыталась прислушаться к окружающей среде и поняла, что мне не показалось.

Кто-то плачет! Поднялась, пошатываясь, и понимаю, что и ноги отекли в сапогах.

Пошла в сторону выхода и, открыв дверь, увидела, что с одной стороны ступенек открыта деревянная дверца. Бабушка там хранила тяпки, грабли да корзины для работы в саду, а сейчас...

Снова послышался плач, только теперь такой, будто кто-то пытается сдерживаться. Аккуратно спускаюсь вниз и, обойдя крыльцо, замечаю малышку, что сидит на земле под ступеньками, положив голову себе на коленки.

— Ты откуда здесь? Как тебя зовут, малышка? — спрашиваю я тихо, чтобы не испугать девочку, присаживаясь на корточки и заглядывая в дверцу под высоким деревянным крыльцом.

— Уля, — отвечает малышка в смешной шапке с двумя бантиками по бокам, белой курточке, которая уже точно такой не будет, и с яркими голубыми глазами.

— Ты что здесь делаешь? — задаю ещё один вопрос и подмечаю, что крошке около четырёх.

— Прячусь, — отвечает она очень даже хорошо для её возраста и в следующий миг всхлипывает.

— Ой, нет, плакать нельзя, — сразу начинаю говорить я и пытаюсь забраться к Уле под крыльцо. — Тебя же кто-то ищет, наверное?

— Нет, — качает головой Уля, смотря на меня огромными глазищами, когда я наконец-то влезаю под крыльцо, пачкая пальто. — Я никому не нужна. Папа работает, а няня сказала, что моя мама на небе.

От слов Ули моё сердце пропускает удар, но я совсем не ожидаю того, что на весь двор прозвучит громогласный крик.

— Ульяна! Где ты, дочка?

— Не выдавай меня, — умоляюще смотрит на меня Уля, а её маленькие ручки уже дрожат. — Папа снова будет злиться.

— Нельзя прятаться от папы, — пытаюсь объяснить Уле, но она только упрямо машет головкой.

— Ульяна! — голос раздаётся уже ближе, а у меня на подкорке мелькает какое-то воспоминание.

— Он меня не любит, — всхлипывает Уля и неожиданно придвигается ко мне, а я на подсознании прижимаю маленькое тельце к себе и чувствую, как снова пощипывает глаза.

— Вот ты где! — раздаётся прямо над нами, а я отшатываюсь от испуга и узнавания.

— Ты? — шепчу я, уставившись в свое болезненное прошлое.

— Ты?! — спрашивает он почти одновременно со мной, вот только почему-то бледнеет и отшатывается от нас с Улей.

— Не обижай её, папа! — пищит Ульяна, а я вздрагиваю от её слов.

Перевожу взгляд с Ульяны на когда-то горячо любимого

мужчину и понимаю, что судьба не могла найти другого времени, чтобы окунуть меня ещё сильнее в боль прошлого и настоящего!

Глава 4

9 лет назад...

— Что такое любовь, Ева?

— Ева, ты меня слышишь?

— Ты моё наваждение, Ева! Я дышу только тобой.

Ева... Ева... Ева...

Открываю тяжёлые веки и понимаю, что вокруг что-то противно пищит. Боль в теле такая, что невозможно ни вдохнуть, ни выдохнуть. А ещё...

— Ярик, — хриплю я и понимаю, что горло безбожно дерёт от сухости.

Закашливаюсь, и писк вокруг становится просто оглушительным. Но я не могу пошевелить ногами. А ещё...

— Тихо. Ну вы что? — кто-то подбегает, помогает мне лечь обратно и даже подаёт немного воды. — Нельзя шевелиться. Нога на растяжке. Доктора собирали твою ногу по кусочкам. Да и спина...

— Что со мной? — спрашиваю я хрипло.

— Ты что, ничего не помнишь? — шокировано смотрит на меня женщина в белом чепчике. — Ты попала в аварию. Мотоцикл, на котором ты ехала, сбил автомобиль. Ты только не нервничай... — начала успокаивать медсестра, но приборы снова запищали.

А Ярик? Где он? Мы ехали вместе!

Настоящее...

— Ты же мертва! — и это не вопрос сейчас.

Голос Ярослава Акулова надламывается, а в глазах пляшет паника, или, может, это что-то другое. Вот только слова, которые он произносит, осыпаются мне в душу пеплом прошлого с характерным привкусом.

Пытаюсь улыбнуться, но губы особо не слушаются, да и место не очень подходит для улыбок. Тем более здесь маленький ребёнок.

— Давай выбираться, — отрываю взгляд от Ярослава и смотрю на Ульяну, что прижимается ко мне. — Не будем нервировать твоего папу.

Ярослав делает шаг назад, давая возможность выбраться мне и помочь Ульяне. Вероятно, я ещё под влиянием тяжёлого сна и вчерашних событий, поэтому не могу собрать себя.

Осматриваю своё безнадёжно испорченное пальто, смотрю на Ульяну, что тоже пытается вытереть грязные разводы на белой курточке, и понимаю, что похожи мы с ней сейчас на бомжей.

Вот только в груди такая огромная дыра, что я даже не могу в полной мере оценить масштаб катастрофы.

Поднимаю взгляд на Ярослава и тяжело сглатываю. В висках начинает пульсировать боль, а тело подрагивать. Странная реакция на человека, который точно так же когда-то пре-

дал меня. Но я даже разозлиться не могу на него.

— Здравствуй, Ярослав, — наконец-то произношу я. — Ты, прежде чем ругать Ульяну, спроси, почему она здесь спряталась. И что ей сказала её няня, или кто там присматривает за малышкой.

— Ева, — его голос хриплый, а грудь поднимается слишком бурно. — Ты...

— Жива, как видишь, — вскидываю голову, чтобы не дать себе согнуться от тяжести навалившихся событий.

А Акулов всё такой же... даже странно себе это говорить, но красивый. Вот только причёску он изменил, да и стиль сам. Нет больше кожаных штанов и косух. Сейчас на нём стильные брюки со светлым пуловером и осеннее пальто. Дорогие часы на запястье и аромат нишевого парфюма.

Такой же высокий, подтянутый, даже слишком. Нет в нём больше того парня, с которым я каталась на мотоцикле и которого любила больше жизни. Сейчас передо мной стоит мужчина с модной небритостью и знающий цену этой жизни.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает он, в очередной раз пробегая по мне взглядом.

— Вероятно, теперь живу, — усмехаюсь я, через боль растягивая губы в улыбке.

— Почему? — ещё один вопрос, который я не могу понять. Слишком ко многому можно отнести это его «почему».

Прикрываю глаза и набираю в грудь побольше воздуха. У меня был план не проснуться сегодня. Но снова всё пошло

наперекосяк.

— Я не умею читать мысли, Акулов, — вздыхаю я, понимая, что ничего не изменится, если мы так и будем стоять и смотреть друг на друга. — И твоё «почему» мне совершенно неясно. Почему ты исчез? Или, может, почему я выжила и снова хожу? Или почему я здесь? — и для убедительности показываю пальцем в сторону старенького дома.

Ярослав делает резкий шаг ко мне и протягивает руку, чтобы ухватить мою.

Что-то с моей реакцией не так! Я даже не соображаю, что нужно отшатнуться или отойти назад.

Он смотрит на мою ладонь буквально несколько секунд, проводит пальцами по ней и отпускает. Присаживается и подхватывает Ульяну на руки.

Я и забыла, что маленькая крошка до сих пор стояла здесь и молча смотрела на нас. Только на руках у Акулова я вижу, как они похожи. Сердце сжимается, причиняя почти физическую боль. Ещё одно доказательство моей несостоятельности. Даже Акулов стал отцом за эти годы, а я стала той, что не соответствует требованиям мужа.

— Знаешь, Синичкина, — голос Ярослава звучит более спокойно, но что-то в нём трогает меня, как и когда-то давно, — когда я соглашался вернуться в этот город, думал, что тени прошлого не смогут меня догнать. Оказалось, что у прошлого остались не только тени, но и вполне живые люди. Но я рад... — он запнулся, взглянул мне в глаза, обвёл взглядом

мой старенький дом и уже серьёзно спросил: — Может, тебе нужна помощь?

— И чем ты поможешь? Исправишь прошлое? — зачем спрашиваю, понятия не имею, но вижу, как напрягаются скулы Акулова.

Но ответить Ярослав не успевает. Возле двора останавливается машина Димы, моего пока ещё мужа. Он выходит, и я даже со своего места замечаю, как брезгливо кривит губы. Открывается задняя дверь машины, и он, обойдя её, подходит к калитке. Но застывает на мгновение, заметив не только меня во дворе.

Ярослав поворачивается ко мне, потом снова смотрит на Диму, который уже толкнул калитку, и наконец-то отвечает:

— Проще я не умею исправлять. Но с настоящим могу помочь.

Глава 5

— Спасибо, но нет, — отвечаю Ярославу и выравниваю спину по привычке.

Ярослав вскидывает бровь, будто задавая логичный вопрос, на который я и могу ответить, но вот горло дерёт от этих слов.

— Это мой муж, — всё же произношу.

— Поздравляю, — снова меняется в лице Акулов и, кивнув мимо проходящему Диме, идёт на выход, всё так же держа на руках Улю.

Малышка смотрит на меня большими глазками и вдруг поднимает ладошку и машет на прощание. Губ касается улыбка, и я на автомате поднимаю руку и машу в ответ.

— Не удивлён, — звучит тяжёлый вздох Димы, и он останавливается в двух шагах от меня. — Ты никогда не умела понять, что мешаешь. Не умеешь отпускать с достоинством!

Перевожу на него взгляд и, смотря в его глаза, наконец-то осознаю, насколько это чужой человек. Сглатываю образовавшийся ком в горле и всё же уточняю:

— Не совсем ясна твоя реплика, Зарубин. Кого я не отпускаю? Тебя? Или твоё достоинство? — спрашиваю и складываю руки в замок перед собой. — А ты как себе это представляешь? И что в твоём понимании мешать? Это же не я явилась к тебе на следующий день, заметь? А ведь могу! Я

прописана в той квартире так же, как и ты!

Дима напрягается, и я замечаю, как его выражение лица становится резче. Сумка, что он держит в руках, опускается на мокрую землю, а я еле сдерживаюсь, чтобы не скривиться.

— Ты больше не прописана в квартире, Ева, — презрительно кинул он. — Нужно смотреть, что подписываешь! Это твои вещи, что ещё остались у меня, — кивает на сумку. — И не нужно грубить, Ева. Не я тебе махал ручкой, будто приехал изменить своё мнение!

Сволочь! Вот в чём дело. Но вместо того чтобы стусеваться, что-то внутри толкает на совершенно неожиданный шаг, и я начинаю тихо смеяться.

— Зарубин, ты слишком высокого мнения о себе, — говорю я, прикрывая рот ладонью. — Я прощалась с малышкой. Ты здесь ни при чём. Тебя никто не ждал, да и смысла нет. Можешь проваливать, — а вот последнее я уже отвечаю резче.

Глаза Зарубина становятся больше, и на лице отчётливо читается шок. Да, я так не позволяла себе разговаривать с мужем никогда. Он всегда был главой в доме. Хотя теперь я понимаю, что главой была его мама, а не он.

— И я ещё проверю, что собрала твоя мама, Зарубин. Ты же у нас даже это сделать никогда не мог, — опускаю голову и смотрю себе под ноги, снова подмечая свой внешний вид. Но засовываю смущение куда подальше.

Однажды я уже встала на ноги после падения. В прямом

и переносном смысле. И теперь встану.

Вчера я была уставшая, разбитая, шокирована, а ещё рана словами человека, с которым шагали рука об руку по жизни. А оказалось, что шагала только я, а Зарубин уже выбрал свой путь.

— Ева, не заставляй меня показывать, каким я могу быть на самом деле, — хмурится Дима и засовывает руки в карманы брюк.

Он нервничает. И с чего бы? Выгоняя меня из собственного дома — всё было хорошо, а здесь — нервозность!

— Дима, — вздыхаю я и даже улыбаюсь ему, — я знаю тебя лучше кого бы то ни было. И настоящего — тоже знаю. Теперь уж точно! Так чем ты меня решил напугать? А Лариса Олеговна знает, что ты снова возле меня? Или ты приехал убедиться, не умерла ли я? Так нет, милый! — грубо отвечаю. — И всё, что моё по праву, я заберу!

— Ты осмелела, Ева? Или решила мне угрожать? Так я сделаю так, что ты будешь на коленях умолять меня простить каждое твоё поганое слово! — рыкнул он и, резко развернувшись, зашагал на выход.

Но, дойдя до калитки, дёрнул её, сорвав с навесов. Сердце пропустило удар, и боль снова разлилась по телу, а Зарубин развернулся и бросил на меня презрительный взгляд:

— И советую тебе уволиться как можно скорей. Иначе я сделаю всё для того, чтобы тебя вообще никуда не взяли, Ева!

Калитка упала на землю, а я уставилась на мужа, точнее, бывшего мужа, который сел в машину, которую мы вдвоём выбирали, и, развернувшись, уехал.

Что я должна сейчас сделать? Куда идти? Кому и что доказывать? И почему я продолжаю стоять и смотреть в пустоту перед собой, будто это всё происходит не со мной? Где та боль, которая сжирает изнутри, когда рушится привычный мир?

Делаю шаг к сумке и, подняв её, заношу в дом. Снова осматриваюсь вокруг и понимаю, что было очень хорошей мыслью не отключать здесь свет и газ. Вот только кто бы мне помог всё это включить.

Стук в дверь заставляет напрячься. Неужели Дима вернулся? Не всё договорил? Какая-то нездоровая злость поднялась внутри. Резко дёрнула дверь на себя и застываю, смотря на Ярослава с чемоданом инструментов в руках, а рядом стоит Ульяна, держа в руках букет из разноцветных осенних листьев.

— Папа тебе букет принёс, — громко говорит Уля, а ещё она до сих пор в той самой куртке, на которой уже присохли грязные разводы.

— Так букетик у тебя, — пытаюсь улыбнуться, но губы будто заledenели.

— У папы ручки заняты, — отвечает Уля и делает шаг ко мне.

— Я так понимаю, помощь тебе всё же нужна, да, Ева? —

вроде и спрашивает Ярослав, но в голосе его звучит какое-то странное участие, что снова заставляет почувствовать себя той самой несоответствующей.

— А тебе это зачем, Акулов? — спрашиваю я севшим голосом.

— А папа уволил няню, — вместо ответа от Ярослава я слышу слова Ули и вздрагиваю от них. — Я хочу, чтобы ты была моей няней, — уверенно заявляет малышка и берёт меня за руку. — А ты покажешь мне свой дом?

Вероятно, у меня что-то случилось с головой, раз я так торможу сегодня. Или это мой мозг включил защитную реакцию, чтобы не сойти с ума?

Глава 6

Проверяю кран на кухне и усмехаюсь собственным мыслям. Я и забыл, когда последний раз что-то делал руками сам. Для всего есть свой человек. У каждого своя задача. Вбивал себе это столько лет, но, как оказалось, ничего не забыл.

Поворачиваю голову и смотрю на Еву, что сидит вместе с Улей за столом посреди большой комнаты и чём-то тихо с ней разговаривает.

Сердце снова останавливается, а потом резко выдаёт серию болезненных ударов, как на ринге! Боль... только она и отрезвляет.

Я оплакивал её столько лет. С ума сходил из-за того, что не смог уберечь. Я ненавидел каждый день своего существования, зная, что девушка, которую я любил больше жизни, погибла из-за меня.

В дни, когда мне было хуже обычного, я всегда видел один и тот же сон. А точнее, самое ужасное воспоминание из моей жизни.

Я выхожу из лифта в приёмный покой. Суматоха. Врачи, медсестры, все снуют туда-сюда. Никого не возможно остановить. Много ДТП и разных происшествий, которые не дают присесть персоналу.

Подхожу к стойке, где стоит молоденькая медсестричка с перепуганными глазами. Первый день, что ли?

— Девушка, помоги, пожалуйста, — умоляю её.

Голова гудит так, что звёзды летят перед глазами. Ногу тянет. Гематома на всю ляжку. Отвратительное чувство беспомощности, но я помню, что Еву забирали одновременно со мной.

— Вам помогли уже, — быстро поднимает взгляд на меня девушка и возвращается к перекладыванию каких-то бумаг.

— Девушка! — бью ладонью по стойке, привлекая её внимание.

Медсестра вздрагивает и смотрит на меня испуганным взглядом. Куча эмоций сменяется на её лице, от раздражения до усталости. И мне жаль её по-человечески, но я здесь стою, потому что хочу найти ту, без которой дышать не смогу.

— Что вам нужно? — спрашивает она грубее, чем перед этим ответила. — Вам же помогли! Видите, сколько сегодня приезжает скорых? День катастроф, что ли?

— Просто помогите мне найти девушку, которая была со мной, — прошу её, стараясь не повышать голос.

Понимаю, что я не внушаю ни доверия, ни сочувствия. Но мне нужно знать, где Ева, и просто быть с ней рядом.

— Имя, — вздыхает медсестра.

— Ева. Ева Синичкина, — поправляю я сам себя и жду, затаив дыхание.

Медсестра быстро поднимает бумаги за верхние края, чтобы не смешивать всё, что уже успела разложить. Смотрит одну стопку. Хмурится. Бросает взгляд на вторую и бледнеет. Быстрый взгляд на меня. Переходит ко второй. Переворачивает несколько листов и снова смотрит на меня. В глаза...

— Нет, — качаю я головой, делая шаг назад.

— Мне очень жаль, — отвечает она почти ровным голосом, но глаза огромные. — Она скончалась. Написано...

— Нет! — выкрикиваю я и отступаю к стене...

— Папочка! Посмотри! — голос дочери врывается в мой воспалённый мозг, заставляя вздрогнуть.

Фокусирую зрение на сделанной работе, в руках всё ещё разводной ключ. Разворачиваюсь к Уле, которая стоит рядом с Евой, а в руках у неё что-то совершенно странное из тех самых листьев, что мы принесли сюда.

— Это ёжик, папа! — и столько восторга в голосе моей такой маленькой, но счастливой девочки. — Ева сделала из теста. Смотри? — Ульяна подходит ко мне ближе и показывает и правда мордочку, а всё, что дальше, утыкано листиками.

— И правда ёжик, — хмыкаю я и поднимаюсь во весь рост.

Разминаю плечи и понимаю, что в доме стало теплее. Перевожу взгляд на Еву, которая смотрит исключительно на Улю, а на губах её лёгкая улыбка.

Она такая же, какой я запомнил её. Нежная, красивая,

притягивающая к себе. Руки начинает покалывать, чтобы снова дотронуться до неё, чтобы убедить себя в том, что это она. Она жива!

Ева поднимает на меня взгляд и быстро закрывается. Будто не она только что улыбалась моей дочери.

— Ты смотришь на меня, как на привидение, — тихо произносит она, но не отворачивается. Вот только столько горечи и боли слышится в её словах, что самому паршиво становится.

— Для меня всё примерно так и выглядит, — отвечаю ей так же тихо.

— А можно, я попробую что-то сама сделать? — Уля с восторгом поднимает глаза на Еву и переводит взгляд на стол, где до сих пор стоят миска, чашки с водой, досточки и ложки. — Вот там.

— Можно, — кивает Ева, и Уля быстро убегает за стол.

— Ярослав, спасибо тебе... — начинает говорить Ева, но смотрит на Ульяну. — Я могу посидеть с Улей пока. Но в понедельник мне на работу. Но лучше найди ей хорошую няню, а не ту, которая будет тыкать ребёнку, что её мамы больше нет.

— Она и правда умерла, — отвечаю и чувствую, как в груди становится тяжело.

Ева вздрагивает и смотрит на меня так, что в ней хочется утонуть.

Делаю шаг к ней, чтобы говорить тихо, но не это играет

главную роль. Я хочу вдохнуть её запах. Хочу вытравить ту боль, что сидит во мне столько лет!

— Я думал, что меня проклинали, — шепчу и поднимаю руку к щеке Евы. — Все, кто становится мне дорог, умирают.

— Это звучит очень странно, Ярослав, — в тон мне отвечает Ева. — Мне сказали, что ты просто ушёл из больницы и всё, — вот теперь её голос надламывается. — Оставил меня, калеку, там, где мне и место, — и её глаза затапливает слезами.

Хочу её обнять, но Ева оказывается проворнее. Шаг — и она уже почти на выходе из этой маленькой кухни.

— Мне сказали, ты умерла, — отвечаю я и опускаю руку, понимая, что выгляжу как идиот.

— И кто же это сделал? — спрашивает она с сарказмом и зло стирает слёзы с прекрасных щёк.

— Сначала в приёмном покое, а потом твоя мать подошла и подтвердила, — говорю, и Ева отшатывается ещё раз, будто её теперь ударили.

— Нет, — шепчет она и хватается за грудь. — Мама не могла.

А я снова вижу злой, даже ненавидящий взгляд женщины, которая смотрела на меня, как на отброс общества, и сначала замерла от моего вопроса, а потом начала орать на весь первый этаж, пока меня не выволокла охрана из здания больницы, потому что она ещё и обвинила, что я хочу напасть на неё.

Но сейчас молчу. Я не знаю, что происходит с Евой, но увидел достаточно, чтобы не продолжать говорить всё, что у самого взрывается опасным вулканом воспоминаний.

Молчание затягивается, и я уже готов наплевать на все свои запреты, но мобильный в кармане вдруг начинает играть входящим.

Достаю и на автомате отвечаю:

— Акулов, слушаю.

— Ярик, здравствуй, дорогой, — здоровается со мной старый друг моих родителей. — Ну что, ты готов к новой должности? В понедельник будешь?

Глава 7

Под ногами шуршит листва. Я и забыла, как здесь может быть красиво и тихо. Город — слишком шумное место, затягивающее в свои сети и уже не отпускающее. Мне иногда кажется, что город похож на большую лампочку накаливания. Притягивает к себе людей, особенно молодых, горячих, смелых и считающих, что весь мир у их ног. Но как только эти смелые и отчаянные подлетают слишком близко, их больно обжигает. И счастье, если они остаются вообще живы.

Но нет же! Большинство решают быть как все. Как толпа клонов. Идут по дороге, которую протоптали до них. Копируя не только внешний вид, но и поведение. Всё, вплоть до самого отвратительного.

Сворачиваю с аллеи и иду между деревьями, наслаждаясь игрой солнца в полуголых ветках. Всматриваюсь в небо и ловлю себя на мысли, что оно мне напоминает глаза Ярика.

Внутренне вздрагиваю, потому что не позволяла себе вспоминать его с того самого дня, когда мне сказали, что он просто ушёл из больницы. А когда меня выписали, я узнала, что ещё и уехал из города.

Мама поддерживала и постоянно говорила, что знала, так и будет! Он никогда не был достоин меня. Всегда нёс в себе только опасность. И это же и случилось.

— Эх, мама, — вздыхаю я и снова смахиваю с глаз выступившие предательские слёзы.

Я была поздним ребёнком в семье. Даже очень, если можно так сказать. Папа умер три года назад, мама — два. Не смогла жить без него. А ещё, что очень закономерно и сейчас так ясно просматривается, Лариса Олеговна, моя свекровь, была просто идеальной женщиной, пока были живы мои родители.

Теперь же приходит осознание, что это были только корыстные мотивы. И самое ужасное, что ничего этого я не видела.

Успокаивает меня только то, что я, лишь спустя столько лет, смотрю на всё совершенно с другой стороны и понимаю, насколько жестокие люди меня окружали. Даже если это были благие намерения, они вымостили дорогу напрямик в ад. Только кому, я даже не хочу отвечать.

— Ева! — слышу крик Ули и разворачиваюсь, замечая бегущую на меня девочку.

Улыбаюсь и расставляю руки, чтобы поймать её. Она влетает в меня как маленький метеорчик, а через мгновение я замечаю Ольгу Николаевну.

— Евочка, как хорошо, что мы тебя догнали! — кричит женщина, махая мне рукой.

— Здравствуйте, Ольга Николаева, — улыбаюсь я. — Смотрю, вы уже приступили к работе.

— Ева, спасибо тебе, дорогая, — ещё шире улыбнулась

Ольга Николаевна. — Я уже не знала, чем себя занять. Скучно дома сидеть, а внуки мои далеко, чтобы я могла с ними нянчиться.

— Теперь у вас есть возможность быть при деле, — улыбнулась я Ольге Николаевне и опустила взгляд на Улю.

Она начала рассказывать, как увидела утром Ольгу Николаевну и поняла, что она теперь её бабушка, а я только и смогла, что улыбнуться.

Ольга Николаевна была нашей соседкой много лет. Она работала в детском саду почти всю жизнь. А когда ушла на пенсию, сидела с внуками, пока её дети не переехали в другие города. Я вспомнила о ней случайно, когда Ярослав сказал, что сложный день его ждёт сегодня. Нужно найти новую няню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.